

DOI: 10.15372/HSS20190216
УДК 94+314.14 (571.1) "1941/1945"

М.П. БЕЛЕНКО

ИСТОЧНИКИ ПО ЧИСЛЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ, ЭВАКУИРОВАННОГО В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при президенте РФ (СИУ РАНХиГС),
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6

В статье анализируются источники опубликованных ранее данных по численности гражданского населения, эвакуированного в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны, выявляются причины расхождения этих данных в разных учетных документах, рассматривается методика работы с такими документами. С точки зрения организации процесса эвакуации населения выделяются две юридически равнозначные группы эвакуированных граждан – «беженцы» и «организованное население». На основании анализа причин недостоверности статистических данных сделан вывод о необходимости исследователю работать в первую очередь с документами первичного учета населения, несмотря на трудоемкость такого подхода. Они более достоверны, нежели обобщающие статистические сводки. Кроме того, в собранные статистические данные необходимо вносить поправки на погрешность учета, которые можно определить, лишь опираясь на делопроизводственную переписку органов учета. Размер погрешности для сводных сведений по Западной Сибири составляет 10 тыс. чел., для отдельных субъектов региона – 5 тыс. чел.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эвакуация, гражданское население, источники, статистический учет, Западная Сибирь.

M.P. BELENKO

SOURCES ON THE NUMBER OF CIVILIANS EVACUATED TO WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva str. Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
6 Nizhtgorodskaya str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article deals with the issue of the number of civilians evacuated to West Siberia. The paper notes inconsistency of the data number published up to date; analyzes sources of the published data on the size of evacuated population quantity. Based on a legal definition of “evacuated population”, the author identifies the following varieties: “refugees” and “organized population”; reveals features of their accounting and corresponding errors.

The article formulates several conclusions: the exact number of people who arrived in the region during the civil evacuation can't be established due to accounting errors in statistical data. At the same time, errors of generalizing statistical data are greater than the primary data collected by the local population accounting authorities, because the first ones accumulate errors of the second ones. Thus, to determine the evacuated population (and the population in general) size, it is necessary to rely primarily on the documents of the primary population registration, despite the complexity of this approach. Business correspondence of the accounting authorities is of particular importance in this case, as it contains information that allows

Михаил Павлович Беленко – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (СИУ РАНХиГС); e-mail: mikeslon@gmail.com.

Mikhail P. Belenko – Candidate of Historical Sciences, Junior researcher, Institute of History SB RAS; Associate professor, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

taking into account the error size inherent in the statistics provided by them. It is important to consider as well, that the error in the accounting the population during the war increased significantly, its value differed significantly in various war periods and in different regions, and, consequently, should be differentiated. In West Siberia, the statistical data errors for each territorial subject (Altai, Novosibirsk and Omsk regions) was about 5 thousand people, and as for general estimates of the number of people who arrived in the region, it is advisable to specify it with an accuracy about 10 thousand people. This value is justified by the peculiarities of preparing data on the natural and mechanical movements of population, as well as the mortality rate in the region, ranging from 13 to 20 thousand people a month during the war.

Key words: Great Patriotic war, evacuation, civilians, sources, West Siberia.

С момента окончания Великой Отечественной войны прошло уже более 70 лет, но интерес общества к тем великим событиям не ослабевает. Одним из слагаемых Победы была оперативная эвакуация производственных сил в восточные районы СССР, а ее важной составной частью стала эвакуация гражданского населения. К сожалению, эта тема в настоящий момент изучена еще недостаточно, хотя исследователи обращались к ней неоднократно. Но изучение миграций населения в указанные годы ВОВ затрудняется рядом специфических причин, прежде всего – обилием разновидностей миграций и, соответственно, используемых для их описания терминов [1], что часто приводит к путанице.

Исследователи зачастую в понятие «эвакуация» вкладывают разное содержание. Например, в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» число эвакуированных из прифронтовой полосы граждан оценено в 12 млн чел. [2]. И.И. Белоносов подсчитал [3], что масштаб эвакуации был существенно больше – 25 млн чел., но он не разделял эвакуированное население на перемещенных в глубокий тыл и отселенных от линии фронта на несколько десятков километров, что и обусловило столь сильную разницу в оценке численности эвакуированных. Таким образом, прежде чем говорить о собственно источниках по теме, следует начать с более точного определения терминов.

В годы Великой Отечественной войны понятие «эвакуированное население» имело вполне конкретное значение: граждане, получавшие статус эвакуированных, обладали рядом льгот (право на получение материальной помощи, им отдавался приоритет при трудоустройстве и т. п.). Следовательно, регламентировался и порядок получения данного статуса. Так, согласно циркулярному письму Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации, при учете поступающего в тыловые районы населения (и при повторных его переучетах) статус эвакуированных получали «лица <...>, прибывшие из прифронтовой полосы во время войны, а также лица, командированные в область, если территория их постоянного проживания занималась врагом»¹.

Военнослужащие – персонал перемещенных в тыл военных госпиталей, курсанты и слушатели военных учебных заведений, не попадали в разряд эвакуированных, однако члены их семей такой статус

получали. Заключение перемещенных в восточные районы страны тюрем и исправительно-трудовых лагерей, амнистированные или освобожденные по прибытии при переучете записывались как эвакуированные, однако они не обладали льготами и преимуществами, положенными эвакуированному населению. Статус эвакуированных не получали перемещенные в восточные районы страны поляки и депортированные народности. В дальнейшем мы станем придерживаться этой официальной терминологии, для того чтобы избежать путаницы при рассмотрении документальных источников.

Отталкиваясь от данного определения, можно выделить несколько различных (с позиции «организации процесса») групп эвакуированных. Во-первых, это «организованное население», к которому следует отнести рабочих и служащих различных организаций и учреждений, перемещаемых в тыловые районы страны в рамках эвакуации. Их эвакуация планировалась в Совете по эвакуации, а затем соответствующие наркоматы организовывали перемещение «своих» предприятий и персонала. Второй группой стали «беженцы», т. е. население, самостоятельно покинувшее место своего проживания, а также гражданское население, перемещаемое из крупных городов, в первую очередь из Москвы и Ленинграда, по соображениям военно-политического характера (как добровольно, так и принудительно) с целью разгрузить эти города от «лишнего населения». Таким образом, к этой же группе нужно отнести эвакуированных с Дальнего Востока семьи военнослужащих: 28 июня Особая Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт, что дало основание для эвакуации гражданских лиц из «прифронтовой полосы» летом–осенью 1941 г.

Но только разницей в понимании и использовании понятия «эвакуированное гражданское население» разброс данных по численности эвакуированных в Западную Сибирь граждан объяснить сложно. Например, по подсчетам Г.А. Докучаева, в Сибирь за годы войны прибыло от 1,5 до 2 млн чел. [4, с. 164]. Ю.А. Васильев указывал, что в Иркутскую, Новосибирскую, Омскую и Курганскую области было эвакуировано более 1 млн чел. [5, с. 162]. Солидарны с ним В.Т. Анисков, М.Р. Акулов и И.И. Кузнецов [6, с. 91]. В.В. Алексеев и В.А. Исупов считают, что в 1941–1942 гг. в Сибирь прибыло 908 тыс. чел., а с учетом естественной убыли – более 1,1 млн чел., в том числе примерно 600 тыс. чел. во второй половине 1941 г. и около 400 тыс. чел. летом и осенью

¹Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 157.

1942 г. Из них в Западной Сибири было размещено 798,4 тыс. чел., и 109,6 тыс. чел. – в Восточной [7, с. 168]. Л.С. Пановский в своих исследованиях утверждает, что к апрелю 1943 г. в городах и сельской местности Западной Сибири было размещено 934,5 тыс. чел. [8, с. 220]. А.Д. Колесник считает, что к началу 1943 г. в Западной Сибири было размещено 925,7 тыс. чел. [9, с. 95]. По подсчетам Л.И. Снегиревой, численность эвакуированного в Западную Сибирь населения превышала 1 млн чел., но она допускает неточность данной цифры [10, с. 23].

Таким образом, назрела необходимость изучить вопрос об источниках, которые позволяют определить численность и состав эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения и составить мнение о точности содержащихся в них сведений.

Основной массив данных о численности эвакуированных граждан содержат **статистические** источники. Их можно разделить на три подгруппы: сводные всесоюзные статистические таблицы; сводные региональные статистические таблицы, охватывающие территорию области или края; документы первичного учета населения.

Всесоюзные статистические таблицы охватывают всю территорию СССР и предоставляют информацию о том, какое количество эвакуированных направлено в ту или иную область или край. Это дает возможность оценить масштабы эвакуации гражданского населения не только по трем интересующим нас регионам, и, кроме того, оценить место Западной Сибири во всесоюзных эвакуационных процессах. Составлялись такие сводные таблицы на основе данных региональных статистических органов, в них приведены сведения, полученные из областей и краев.

Основная ценность данного источника в том, что таблицы позволяют увидеть полную, систематизированную картину в масштабах всей страны. При этом данные относятся к одному периоду, что обеспечивает получение одномоментного среза, редко встречающегося в других документах. Кроме того, сведения сводных статистических таблиц позволяют восполнить лакуны, вызванные плохой сохранностью исходных, региональных статистических документов, о чем будет сказано далее. Главным же недостатком этого источника является то, что погрешности учета в нем имеют наиболее выраженный характер, так как сводные всесоюзные таблицы и сводки аккумулируют все погрешности регионального и местного учета.

Вторая подгруппа статистических источников – таблицы, составленные областными и краевыми статистическими управлениями, а также областными и краевыми органами здравоохранения. К ним следует отнести таблицы двух типов: стандартные таблицы учета механического движения населения, здесь эвакуированные в отдельную категорию не выделяются (но, зная регион выбытия и дату учета, мы можем сделать определенные предположения об их статусе). Второй тип – сводные таблицы численности, учета и переуче-

та населения, составленные на материалах первичного учета, в которых эвакуированное население выделяется в отдельную категорию граждан. Нужно учитывать, что сохранность этих сведений неодинакова: они в полном объеме сохранились в Новосибирской области, неудовлетворительно – в Алтайском крае и вообще не сохранились – в Омской области.

Достоверность данных регионального учета уже при их составлении вызвала множество нареканий. Причины неточного и несвоевременного текущего учета прибывавшего эвакуированного населения, как и вообще учета населения, мы рассмотрим далее, а пока отметим, что потребность органов власти в точных данных о количестве эвакуированных пытались реализовать посредством «экстренных», внеплановых переучетов населения. Однако такие переучеты населения проводились неодновременно по всей Западной Сибири, что затрудняет определение общей численности и состава граждан, прибывших в регион по эвакуации.

Третья подгруппа – документы первичного учета. К ним можно отнести заполненные бланки учета эвакуированного населения (форма № 2), списки лиц, проживавших на территории сельсовета, включая эвакуированных (форма № 4-а), эшелонные списки, сводки эвакуационных пунктов и санпропускников о количестве принятых, обслуженных, отправленных (если следуют далее) и размещенных граждан. Эта подгруппа источников особенно важна для Омской области, так как обработанные статистические сведения сохранились здесь хуже, чем в других регионах Западной Сибири, и данные первичного учета позволяют отчасти восполнить скудость статистической информации. В силу своей специфики документы третьей подгруппы не предполагают полноты и носят фрагментарный характер. Основная ценность этих сведений в том, что они позволяют оценить не только динамику прибытия в регион эвакуированного населения, но и своевременность его учета.

Помимо статистических сведений информацию о численности эвакуированного населения содержит **делопроизводственная документация**. В рамках нашей темы ее можно разделить на две подгруппы: отчетные документы и деловая переписка.

В подгруппе **отчетных документов** следует выделить отчеты районных инспекторов по эвакуации населения. Они включают как более или менее формализованные данные о составе и численности прибывавшего населения, так и сопроводительные письма, где в свободной форме изложены взгляды инспекторов на состояние и перспективы учета, качество и характер расселения эвакуированных. При сопоставлении этих сведений с данными статистических таблиц видны недостатки системы учета эвакуированного населения в плане своевременности и полноты передаваемых в органы государственной статистики сведений. Эти же отчеты наглядно демонстрируют разницу между декларируемой важностью учета населения, усилиями по его организации действующих органов власти

и его фактическим местом в системе целей и приоритетов низового управленческого аппарата. К сожалению, отчеты районных инспекторов сохранились только в фонде отдела хозяйственного и бытового устройства эвакуированного населения исполкома Новосибирской области, в архивах других субъектов Западной Сибири их обнаружить пока не удалось.

Деловая переписка различных органов, имевших отношение к учету, а также медицинскому, продовольственному, вещевому и другим видам обеспечения прибывавшего по эвакуации населения представлена весьма разнообразными документами, главным образом, справками, запросами, объяснительными записками и т. п. Среди этой подгруппы документов необходимо выделить оперативные сводки НКВД, в которых указывалось в том числе количество прибывших в регион эвакуированных граждан. Органы НКВД получали информацию о численности прибывших очень быстро, они представляли себе примерную численность населения в тех или иных населенных пунктах, основываясь и на косвенных показателях (например, данные по прописке и по освобождению жилых площадей для эвакуированных). Но в их задачи не входило выяснение точной численности прибывавшего населения, и поэтому НКВД вполне устраивали приблизительные цифры. Следует к тому же отметить, что собственно сводки НКВД – это закрытый источник ведомственного архива, и доступ к нему ограничен. Но копии таких сводок, а также выдержки из них, сохранились в делах других архивных фондов (особенно в фонде отдела хозяйственного учета эвакуированного населения Новосибирского облисполкома).

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что основной массив данных о численности населения содержится в материалах государственной статистики, т. е. в сводных статистических таблицах. Все другие виды источников лишь дополняют и уточняют их. Следовательно, первостепенное значение имеет точность этих статистических таблиц.

И местные, и центральные власти неоднократно отмечали недостатки в организации учета эвакуированного в регион населения, при этом подчеркивалось, что статистические сведения не всегда отражают реальное состояние дел, поскольку оформляются с опозданием и в неполном объеме². Недостоверность и несвоевременность учета объясняются многими причинами – от нехватки регистрирующих кадров и слабого развития телефонной сети в сельских районах до сложных погодных условий, нарушавших регулярность почтового сообщения. Таким образом, указанное в данных таблицах количество эвакуированных занижено. Это становится заметным при сравнении сводных показателей с материалами регионального статистического учета, а также со сведениями партийных и советских органов, которые занимались размещением населения. Что каса-

ется городского населения, то необходимо отметить, что цифры принципиально не отличаются от региональных, количество же эвакуированных граждан, проживавших в сельской местности, занижено весьма значительно.

Причина, скорее всего, в том, что в городах размещались официально эвакуированные, т. е. прибывавшие вместе со своими предприятиями, а беженцы, учитывая которых было гораздо сложнее, расселялись в основном в сельской местности.

Предполагая, что недоучет охватил как регионы страны, куда направлялись эвакуированные, так и области их первоначального проживания, мы можем получить адекватные реальной картине сравнительные данные (осознавая, впрочем, их приблизительный характер) – о доле того или иного региона в общей картине эвакуации.

Анализ деловой переписки статистических органов позволяет оценить степень достоверности статистических данных и выявить причины и масштаб погрешности. Можно выделить следующие факторы, повлиявшие на достоверность данных: отсутствие согласия между различными органами в регионах по вопросу, кто именно должен осуществлять учет (в результате учетом никто не занимался – наиболее характерно это было для 1941 г.); нехватка ресурсов (работников, бумаги и др.); секретный статус ряда организаций (которые на этом основании отказывались предоставлять в органы учета сведения о численности своих работников); изменение административно-территориального деления Западной Сибири в рассматриваемый период. Повлияло на точность учета и то, что правовой статус мигрантов окончательно определен был только в ноябре 1941 г. В совокупности названные причины приводили к хроническому недоучету прибывавших в регион эвакуированных граждан. Такое количество факторов, неодинаково проявлявшихся на различных территориях Западной Сибири, не позволяет выработать единую методику расчета «неучтенных» граждан.

В 1942 г. численность эвакуированного в Западную Сибирь населения значительно выросла. Но ценность имеющихся данных за 1942 г. нивелируется тем, что в них не учтены эвакуированные, прибывшие в мае–декабре 1942 г. в Омскую область (т. е. в то время, когда опять возобновилась эвакуация). Кроме того, исходя из анализа динамики численности эвакуированного населения, отраженной в документах Новосибирской области и Алтайского края, можно сделать вывод, что в действительности максимальное количество эвакуированных проживало в Западной Сибири в феврале–марте 1943 г., когда в Западную Сибирь прибыли последние группы эвакуированных из Ленинграда и тех областей РСФСР, которые стали ареной боевых действия летом–осенью 1942 г., а процессы реэвакуации только начинались. Но данные о прибытии населения в Западную Сибирь зимой и весной 1943 г. являются неполными, причем к моменту очередного переучета населения – к 1 января 1944 г., их абсолют-

²Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 248. Л. 1–10; Д. 322. Л. 47, 53; Д. 338. Л. 1.

ная численность была меньше, чем год назад – в основном из-за эвакуации. Таким образом, это максимальное одномоментное количество эвакуированных в документах не отражено и может быть восстановлено только расчетными методами с опорой на данные текущего учета продовольственного и медицинского обеспечения эвакуированных граждан.

Таким образом, можно утверждать что максимальное количество одновременно находящихся на территории Западной Сибири эвакуированных было, как минимум, на 10 % больше, чем указано на начало 1943 г. С учетом естественной убыли и частичной мобилизации эвакуированных мужчин в РККА общее количество эвакуированных в Западную Сибирь будет еще большим – ориентировочно на 15 %.

На основании сказанного можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, главная причина расхождения уже опубликованных оценок численности эвакуированного в Западную Сибирь гражданского населения – обилие противоречащих друг другу статистических сведений. Во-вторых, опираясь только на статистику, точное количество прибывших в регион по эвакуации граждан установить нельзя, особенно это характерно для сводных, обобщенных сведений, которые аккумулируют погрешности низовых органов учета. Следовательно, при определении численности эвакуированного населения (и вообще населения) необходимо использовать в первую очередь документы первичного учета населения, несмотря на трудоемкость такого подхода. Важно также зафиксировать необходимость привлекать при этом деловую переписку органов учета, поскольку именно в ней содержатся сведения, позволяющие учесть размер погрешности, заложенный в статистические данные, предоставляемые этими органами. Отметим также, что размер погрешности в учете населения в годы войны существенно вырос, при этом ее величина сильно колебалась от региона к региону и должна учитываться дифференцировано. Для Западной Сибири для каждого из территориальных субъектов погрешность статистических данных составляла около 5 тыс. чел., а для общих оценок численности прибывшего в регион населения целесообразно указывать ее с точностью до 10 тыс. чел. Такие поправки обосновываются особенностями подготовки сведений о естественном и механическом движении населения, а также уровнем смертности в регионе, колебавшимся в годы войны от 13 до 20 тыс. чел. в месяц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исупов В.А. К вопросу о типах миграций и их соотношении в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири, 2016. №1. С. 12–17.

2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. М., 1961. Т. 2. 682 с.

3. Белоносов И.И. Эвакуация населения из прифронтовой полосы в 1941–1942 гг. // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производственных сил СССР в 1941–1942 гг. Сборник статей и воспоминаний. М.: Наука, 1966. 263 с.

4. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 332 с.

5. Васильев Ю.А. Сибирский арсенал. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию промышленности в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Свердловск, 1965. 384 с.

6. Акулов. М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И. Подвиг земли богатырской (Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) М., 1970. 364 с.

7. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.

8. Пановский Л.С. Изменения в численности колхозного крестьянства Западной Сибири в 1941–1945 гг. // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973. С. 215–225.

9. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. 328 с.

10. Снегирева Л.И. К вопросу об учете эвакуированного населения в Западной Сибири и его численности // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны. Томск, 2005. С. 103–108.

REFERENCES

1. Isupov V.A. On the issue of migration types and their correlation during the Great Patriotic war. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.)

2. Pospelov P. N. et al. (eds.) History of the Great Patriotic war of Soviet Union, 1941–1945. Moscow, Voenizdat, 1961, vol. 2, 682 p. (In Russ.)

3. Belonosov I.I. Evacuation of the civil population from the front line in 1941–1942. *Echelony idut na Vostok. Iz istorii perebazirovaniya proizvodstvennykh sil SSSR v 1941–1942 gg.* Moscow, 1966, pp. 15–30. (In Russ.)

4. Dokuchaev G.A. Siberian rear in the Great Patriotic War. Novosibirsk, Nauka, 1968, 332 p. (In Russ.)

5. Vasiliev Yu.A. Siberian arsenal. Siberian party organizations activity on developing the industry during the Great Patriotic War of 1941–1945. Sverdlovsk, 1965, 384 p. (In Russ.)

6. Akulov M.R., Aniskov V.T., Vasiliev Y.A., Kuznetsov I.I. The region's heroic feat (Siberia in the Great Patriotic War (1941–1945.) Moscow, 1970, 364 p. (In Russ.)

7. Alexeev V.V., Isupov V.A. Siberian population during the Great Patriotic War. Novosibirsk, Nauka, 1986, 230 p. (In Russ.)

8. Panovski L.S. Changes in the number of collective-farm peasantry of West Siberia in 1941–1945. *Narody Sibiri v Velikoy Otechestvennoy voyne.* Kyzyl, 1973, pp. 215–225. (In Russ.)

9. Kolesnik A.D. RSFSR during the Great Patriotic War. The rare problems and nationwide assistance to the front. Moscow, 1982, 328 p. (In Russ.)

10. Snegireva L.I. On accounting the evacuated population in West Siberia and its number. *Aktualnye problemy istorii Velikoy Otechestvennoy voyny.* Tomsk, 2005, pp. 103–108. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 27.04.2019